

Aksinyaren

Этo всё

Алекc

ИТИМИЯ

Aksinya ren

ЭТО ВСЁ АЛЕКС

«Автор»

2026

ren A.

Это всё Алекс / A. ren — «Автор», 2026

Эта история — не типичный подростковый роман о «плохом парне», которого меняет любовь. Это дневник-исповедь, адресованный психологу. Пытаясь «взломать» закрытый мир Алекса и достучаться до его миндалевидного тела, Лера сталкивается с главным вопросом: является ли отсутствие эмоций отсутствием души?

© ren A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вступление	5
Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Aksinya gen Это всё Алекс

Вступление

Привет, Марина Витальевна или возможный читатель.

Прежде чем мы начнём, сделаем одно маленькое упражнение. Попробуй прочитать эти строки разными голосами: сначала низким мужским, уверенным; потом звонким женским; а потом – совсем тихим, почти шёпотом, как будто выдаёшь тайну. Это забавно, правда? То, как меняется смысл от одной лишь интонации.

Мой школьный психолог – милейшая женщина – сказала, что мне нужно выплеснуть это на бумагу. «Перенаправить мысли», как она выразилась. Чтобы я перестала проверять уведомления каждые пять минут. Простите меня, Марина Витальевна, что я немного модернизирую технику «Четыре письма», которую вы посоветовали. Мне кажется, если я буду писать строго по плану, получится сочинение. А я хочу, чтобы получилось подобие книги.

Наверное, стоит начать?

Кажется, я уже слишком долго тяну вступление.

Пролог

Марина Витальевна, вы просили меня сосредоточиться на себе. Но я не могу.

Чтобы отпустить Алекса, мне нужно препарировать его историю. Понять, почему он такой. Наверное, это мой способ самозащиты – верить, что он уехал не потому, что я ему безразлична, а потому что его мозг просто... так устроен.

Он рассказал мне всё почти сразу. Мы знали друг друга около недели.

Мы сидели на подоконнике в конце длинного коридора, у кладовой, где всегда пахло хлоркой, подальше от шума. Я тогда спросила его, почему он никогда не смеётся над шутками нашего историка – а тот ведь правда смешной.

Алекс не стал отшучиваться. Не стал притворяться. Он посмотрел на меня так, будто я спросила, почему он не дышит под водой.

Когда Алексу было семь, умерла его бабушка. Она читала ему сказки и пекла блины по субботам. Все ждали, что ребёнок будет раздавлен горем. А он стоял на похоронах и рассматривал устройство гроба.

Его мама, захлёбываясь слезами, обняла его, ожидая ответного всхлипа.

А Алекс спросил:

– Мам, а почему человека кладут в гроб?

Именно тогда родители поняли: что-то идёт не так.

– Мама тогда испугалась, – продолжал он, глядя в потолок. – Она решила, что я не люблю бабушку. Но я любил. Наверное. Просто в моём понимании «любить» – это привыкнуть к запаху теста и к тому, что в восемнадцать ноль-ноль тебя зовут ужинать. Когда её не стало, я не чувствовал «дыры в сердце». Я чувствовал, что нарушен порядок. Большой, важный процесс под названием «Жизнь с бабушкой» внезапно прервался без объяснения причин. И вопрос про гроб был способом понять, куда делся этот процесс.

Он замолчал. В его глазах отразилась лампа дневного света – холодная белая точка.

– Врачи объяснили родителям, что я умею распознавать эмоции, но не проживать их. Я вижу, что тебе грустно, Лера. Я считываю это по опущенным плечам. Но я не «заражаюсь» твоей грустью. Как будто сигнал доходит, но не включается. Это называется алекситимия.

Он произнёс это спокойно, почти академично, будто пересказывал параграф из учебника.

А я...

Я в тот момент совершила ту самую ошибку, о которой вы говорили, Марина Витальевна. Я почувствовала себя избранной.

«Если он говорит это мне – значит, доверяет. Значит, хочет, чтобы я осталась рядом».

– И что было потом? – спросила я, придвигаясь ближе.

– Потом была терапия. Много терапии. Родители боялись, что я вырасту асоциальным или... опасным. Поэтому меня отправили в Академию Soft Skills. Там учили чувствовать. Точнее – имитировать. Это как учить иностранный язык, на котором ты никогда не будешь думать, но сможешь свободно изъясняться в аэропорту, чтобы не потеряться.

Он повернул ко мне голову.

– Я рассказал тебе это сразу, чтобы ты понимала: я – проект. Долгосрочный, рациональный и довольно предсказуемый. Если ты ищешь в людях искры, во мне ты найдёшь только хорошо отлаженную электрическую схему. Вряд ли тебе захочется со мной дружить.

Он спрыгнул с подоконника.

– Пойдём. Сейчас физика. Опаздывать неэффективно.

Я пошла за ним, глядя на его прямую спину.

Тогда я ещё не знала, что его «честность» не была признанием в доверии. Это было предупреждение. Он аккуратно повесил на себя табличку:

«Осторожно. Эмоции не поддерживаются».

А я, дура, сорвала её и выбросила. Решила, что смогу переписать систему.

Глава 1

Мой первый день после переезда в новую школу №771 начался с эстетического шока. Представьте себе здание, которое должно было быть благородного темно-красного цвета – старый кирпич, история, характер. Но какой-то «гениальный» ум (как я узнала позже – новая директриса с тягой к «освежению интерьера») решила закрасить всё это в дешёвую розовую краску. Школа выглядела как престарелая дама, которая слишком густо наумянилась, пытаясь скрыть морщины.

Я стояла у ворот, сжимая лямки сумки, и чувствовала глухое негодование. Это была не школа, а какой-то затянувшийся анекдот. Вокруг привычный шум: визг первоклашек, которые носятся кругами, и серые, сонные лица старшеклассников, для которых этот день был просто очередной сменой в шахте.

И тут я увидела его.

Возле угла здания, прямо под табличкой «Курение запрещено», собралась стайка парней. Густой сизый дым поднимался к розовым стенам, и это раздражало меня почти так же сильно, как и цвет фасада. Я всегда терпеть не могла запах табака по утрам.

Парень подошел и встал прямо перед ними. Один против четверых. В его позе не было вызова или страха. Он стоял ровно, засунув руки в карманы куртки, и что-то говорил. Я подошла ближе, замедлив шаг.

– ...вероятность того, что мимо пройдет завуч в ближайшие три минуты, составляет 85%, так как у неё сейчас закончилось совещание, – долетел до меня его спокойный, почти монотонный голос. – Штраф и постановка на внутришкольный учет – это нерациональная трата вашего времени и ресурсов ваших родителей. Проще переместиться в сторону заброшенного стадиона.

Один из парней, рослый десятиклассник, затаился, хотел было что-то дерзко ответить, но наткнулся на взгляд парня. В этом взгляде не было злости. Там было... ничего. Пустота и чистая математика.

– Блин, Алекс, ну ты и душный, – парень махнул рукой, стряхивая пепел. – С тобой реально спорить смысла нет. Ты же не отвяжешься, пока график не нарисует. Пошли, пацаны, он прав – завуч сейчас выйдет.

Они просто развернулись и ушли. Так легко, будто их сдуло ветром.

Я стояла в паре метров, открыв рот. Это было похоже на магию. Алекс проводил их взглядом, достал из кармана антисептик, тщательно протер руки (видимо, из-за запаха дыма) и только тогда заметил меня.

Я ожидала, что он улыбнется мне, как «спасенной даме», или хотя бы кивнет. Но он просто посмотрел на мою сумку, потом на мои глаза и спросил: – Ты новенькая? Старшие классы находятся на третьем этаже, вторая дверь направо. Если поспешишь, у тебя останется три минуты на адаптацию к помещению до звонка.

Он развернулся и пошел к входу, даже не дождавшись моего «спасибо».

Я смотрела ему в спину и думала: «Кто ты такой?». В мире, где все либо орут, либо смеются, либо прячутся, этот парень был как тихий остров порядка. Я еще не знала, что на этом острове нет почвы, только холодный песок и безупречные алгоритмы. Но в тот момент я просто поразила его способностью умирять хаос одним лишь спокойным голосом.

Внутри школа окончательно развеяла мои мечты о «столичной эстетике». Екатеринбург, конечно, город большой, но наш район явно застрял где-то в девяностых.. Линолеум в коридорах был вытертым до дыр, а стены выкрашены в тот самый унылый бежевый цвет, который, кажется, должен подавлять любую волю к сопротивлению. Я шла по лестнице, и в голове всё

ещё крутился образ того парня у входа. Алекс. В нем была какая-то загадка, которая меня заинтересовала.

«Хоть бы мы были в одном классе», – билось у меня в висках.

Я нашла вторую дверь направо на третьем этаже. Глубокий вдох, шаг за порог. 9 «А».

Через пять минут я поняла: чуда не произошло. Алекса здесь не было. Зато здесь было всё то, от чего я пыталась сбежать. Шум, летящие через весь класс бумажки, чей-то громкий, неприятный смех и обсуждение того, кто и сколько выпил на выходных.

Я оцениваю себя вполне привлекательной – зеркало никогда не было моим врагом. Но в тот момент я чувствовала себя как редкий экспонат, случайно попавший на склад уцененных товаров. Внешность – это просто обертка, но мой класс, похоже, не привык заглядывать глубже. Для них интеллект был чем-то вроде лишнего веса: вроде и есть, но хвастаться не стоит.

– О, новенькая! – крикнул кто-то с задней парты. – Слышь, ты откуда такая нарядная?

Я проигнорировала их, выбрав свободное место у окна. Я искала глазами не друзей, а того, кто не будет спрашивать «откуда я такая нарядная», а скажет что-то более информативное.

Положив сумку, я вылетела из класса. Мне нужно было его найти. Мне нужно было подтверждение, что я не сошла с ума и тот парень у входа мне не привиделся. Я нашла его на лестничном пролете между третьим и четвертым этажами. Он сидел на подоконнике (видимо, это были его излюбленные точки обзора) и читал толстую книгу по макроэкономике.

– Привет, – я остановилась рядом, немного запыхавшись. – Я нашла класс. Спасибо за навигацию.

Алекс оторвал взгляд от книги. Он смотрел на меня так, будто видел впервые, хотя с нашей встречи прошло всего ничего.

– Как тебе класс? Встретила уже «социальные припятсивя?»

– Если ты называешь стадо бабуинов «социальными препятствиями», то да, – хмыкнула я. – Ты здесь как вообще выживаешь? В каком ты классе?

Алекс закрыл книгу, заложив страницу идеально ровной закладкой. – Я из «10 Г»

– Понятно.

Не зная, что ещё спросить я замешкалась и он замолчал. Я почувствовала, как между нами повисла тишина.

– Я... я Лера, — неловко пробормотала я.

– Я услышал, – ответил он, спрыгивая с подоконника. – До свидания, Лера. У меня факультатив по логике.

Он ушел, оставив меня одну на лестнице. И знаете, что самое странное? В тот момент я не обиделась. Я была в восторге. В мире, где все пытаются казаться лучше, чем они есть, этот парень был пугающе, кристально честным в своей холодности.

Когда прозвенел звонок, я зашла в кабинет алгебры на автопилоте. В голове пульсировала только одна мысль: "Алекс". Мои подростковые гормоны, которые до этого вели себя вполне прилично, вдруг устроили настоящий бунт. Я пыталась сосредоточиться на дискриминантах, но видела перед собой только его отстраненный взгляд и то, как он протирал руки антисептиком.

Класс жил своей жизнью. 9 «А» был похож на плохо настроенный радиоприемник: кто-то шуршал чипсами, кто-то громко шептался, а учительница, пожилая женщина с лицом человека, который давно перестал надеяться на чудо, уныло скрипела мелом по доске.

– Псс, новенькая! – ко мне повернулась девочка, сидевшая впереди. У неё были густо подведенные глаза черным и жвачка, которой она ритмично пощелкивала. – Я Ира. Ты чего такая загруженная? Из-за того парня, что ли, с лестницы?

Я кивнула, но тут же приложила палец к губам: – Ира, давай попозже, сейчас учитель увидит...

Но Ира меня не слышала. У неё была потребность выговориться здесь и сейчас, прямо под монотонный бубнеж про квадратные уравнения. – Да ты с этим из 10 «Г» не возись. С Алексом-то. Про него в школе такое говорят... Большой он на всю голову. Со справкой, прикинь? Забей, найдем тебе кого-нибудь попроще.

Я открыла рот, чтобы возразить, но тут голос учительницы разрезал шум класса: – Новикова! Только пришла, и уже замечания? На первых партах, а ведешь себя как на дискотеке. Еще одно слово – и пойдешь к завучу.

Я вспыхнула. Весь класс обернулся на меня, кто-то хихикнул. Ира тут же уткнулась в тетрадь, сделав вид, что она здесь ни при чем. Весь остаток урока я сидела и смотрела в окно. «Больной». «Со справкой». Эти слова жгли внутри, как кислота.

Как только прозвенел звонок, я не дала Ире сбежать. Я хлопнула её по плечу, заставив обернуться. – Слушайа что в нем такого плохого? Ну, кроме того, что он, видимо, умнее половины этой школы?

Ира облокотилась на парту и понизила голос до заговорщического шепота. – Умный-то он умный, только тормозов нет. Он в восьмом классе сюда перевелся. В первый же день к нему пацан из параллели пристал, ну, задира местный, решил новенького проверить. Так Алекс даже не разозлился. Он просто взял циркуль и... пробил ему руку. Насквозь, прикинь? Кровь, крики, скорая. А Алекс просто стоял и смотрел, как будто это лабораторная по биологии. Даже веком не повел.

У меня внутри всё похолодело. Я вспомнила его спокойные руки, его ровный голос. – Не похоже на него, – выдавила я. – Он же... он же простоспокойный.

– Ну-ну, – Ира пожала плечами и начала складывать учебники. — Спокойный психопат – это еще хуже. Как знаешь, я предупредила. Держись от него подальше, если не хочешь стать следующей «жертвой».

Она отвернулась и ушла к подругам, оставив меня в пустом классе.

Я стояла и смотрела на свою ладонь. Циркуль. Кровь. Пустота в глазах. В тот момент я должна была испугаться. Любая нормальная девочка на моем месте решила бы, что Ира права. Но я... я почему-то не испугалась, мне наоборот стало ещё более интересно.

После уроков я не ушла домой. Вместо этого я пробралась к расписанию десятых классов в вестибюле. Распечатанный лист «10 Г», гласил, что сегодня семь уроков, а после – факультатив.

Я ждала его долго. Школа постепенно пустела. Сначала мимо с криками пронеслась орава младшекласников, потом лениво потянулись мои одноклассники. Ира, проходя мимо, странно на меня посмотрела, но я сделала вид, что очень увлечена перешнуровыванием кроссовок.

Прошел час. Потом еще двадцать минут. Коридоры наполнились тем особым гулким молчанием, которое бывает в школе только вечером. И вот, наконец, послышались ровные, размеренные шаги.

Алекс выходил из дверей почти последним. Рюкзак на обоих плечах, куртка застегнута до подбородка, несмотря на то, что в вестибюле было довольно душно. Он шел, глядя строго перед собой.

– Долго же у тебя факультативы, – сказала я, поднимаясь со скамейки.

Он остановился. Его лицо не выразило ни удивления, ни досады. Он просто зафиксировал факт моего присутствия. – Время ожидания составило восемьдесят две минуты, – произнес он вместо приветствия. – Зачем тебе это, Лера?

– Хотела спросить кое-что, – я подошла ближе. – Мне тут в классе наговорили... В общем, про тот случай в восьмом классе. Про циркуль. Это правда?

Я смотрела ему прямо в глаза, пытаясь поймать хоть какую-то искру: стыд, страх или хотя бы желание оправдаться. Но его взгляд был прозрачным, как стекло.

– Да, – ответил он сухо.

Я моргнула, не ожидая такой прямоты. – И всё? Просто «да»? Ты... ты правда пробил парню руку?

– Да. Инструмент вошел в мягкие ткани на три сантиметра.

От того, как обыденно он это произнес, у меня по коже поползли мурашки. Это не было хвастовством. Это было похоже на отчет о проделанной работе. – Но за что? Алекс, люди не делают такие вещи просто так. Тебе было больно? Ты разозлился?

Он слегка нахмурился, словно подбирая правильный перевод с иностранного языка. – В этом не было злости. Была необходимость прекратить физическое воздействие с его стороны. Это был самый быстрый способ.

– Но это же... это же жестоко, – прошептала я.

Алекс молча смотрел на меня несколько секунд. В тишине вестибюля было слышно, как тикают огромные школьные часы. – Жестокость подразумевает наличие умысла причинить страдание, – наконец произнес он. – Моим умыслом было завершение конфликта. Если ты считаешь это опасным, тебе не стоит стоять здесь со мной. Это нерационально.

Он развернулся и пошел к выходу. Двери со скрипом открылись и закрылись за его спиной.

Я осталась стоять одна. Опять.

Глава 2

Следующие три дня я видела Алекса только издалека. Он был похож на привидение, которое следует строго заданному маршруту: кабинет – столовая – библиотека – выход. Я наблюдала за ним из-за угла, из-за спин одноклассников, из-за раскрытого учебника биологии.

Он никогда не нарушал траекторию. Никогда не оборачивался.

Ира и остальные девочки из класса быстро потеряли ко мне интерес, когда поняли, что я не собираюсь обсуждать косметику или чьи-то новые кроссовки. В их глазах я стала такой же странной, как и «тот псих из 10-го Г». Но мне было всё равно. Мой мозг, как сломанный компас, продолжал указывать на север – туда, где Алекс в одиночестве ел свой обед, состоящий из контейнера с нарезанными овощами и курицей.

В четверг я решила сменить тактику. Хватит караулить его в дверях. Если он ценит интеллект и функциональность, я должна стать для него чем-то полезным. Или хотя бы интересным объектом для анализа.

Я нашла его в библиотеке. Там всегда пахло старой бумагой и тишиной, которую Алекс, кажется, любил больше всего на свете. Он сидел за самым дальним столом, обложенный справочниками по высшей математике.

Я молча села напротив и выложила свой задачник по алгебре.

Алекс поднял глаза. На долю секунды в них мелькнуло что-то... нет, не радость, а скорее узнавание файла. – Вероятность твоего появления здесь в это время составляла всего 15%, – произнес он, не закрывая книгу. – Обычно в 15:30 ты покидаешь здание школы.

– Значит, ты тоже за мной наблюдал? – я постаралась, чтобы голос звучал непринужденно, хотя сердце колотилось где-то в горле.

– Я фиксирую аномалии, – ответил он ровно. – Твое присутствие в моем поле зрения стало регулярным. Это аномалия, требующая объяснения.

– Я просто хотела попросить помочь с задачей, – я пододвинула к нему тетрадь. – У нас в 9-м «А» учительница объясняет так, будто мы уже всё знаем. А я... я не всё знаю.

Алекс посмотрел на задачу. Потом на меня. – Это база. Уровень сложности – низкий. Почему ты не воспользовалась интернетом?

– Потому что я хотела, чтобы объяснил ты, – честно ответила я.

Он замолчал. В библиотеке было так тихо, что я слышала, как за окном капает дождь, разбиваясь о розовый кирпич школы. Алекс взял мою ручку. Его пальцы были длинными и очень спокойными.

– Хорошо. Смотри. Это уравнение можно решить двумя способами. Первый – стандартный, из учебника. Он длинный и содержит лишние итерации. Второй – рациональный.

Он начал писать. Цифры ложились на бумагу ровными, почти печатными рядами. Пока он объяснял, я не слушала про иксы и игреки. Я смотрела на его лицо. Вблизи оно не казалось таким холодным. Скорее... чистым. Как нетронутый лист бумаги.

– Ты поняла? – спросил он, внезапно остановившись.

– Нет, – соврала я, чтобы он продолжил. – Объясни еще раз, пожалуйста.

Алексврезался в меня взглядом. – Мой алгоритм объяснения был максимально упрощен. Если ты не поняла, значит, у тебя отсутствует фундамент в теме графиков функций. Либо... – он прищурился, – твоя цель не в решении задачи.

Я затаила дыхание. Неужели раскусил?

– Твоя цель – коммуникация, – констатировал он. – Согласно курсам по Soft Skills, которые я посещаю по субботам, люди часто используют предлоги для инициирования диалога. Зачем тебе диалог со мной, Лера? Я уже предупреждал: это нерационально.

– А если я хочу, чтобы это стало рациональным? – я подалась вперед. – Если я хочу, чтобы ты стал моим... другом?

Алекс отложил ручку. Слово «друг» зависло между нами, как неподъемный, непонятный предмет. – Дружба – это социальный контракт, основанный на взаимном обмене эмоциональными ресурсами, – медленно произнес он. – У меня нет этих ресурсов. Я – банкрот в этом смысле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.